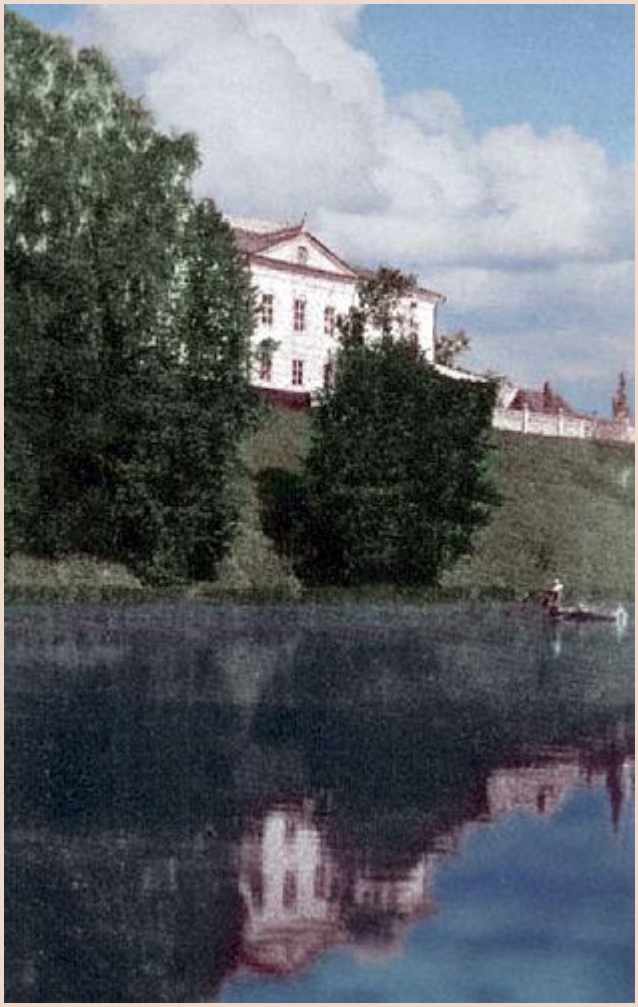
Дороги без конца

24 июня исполняется 160 лет со дня рождения Владимира Николаевича Поливанова (1848–1915), общественного деятеля, учёного, коллекционера, основателя Симбирской губернской учёной архивной комиссии, председателем которой он был со дня основания и до своей смерти. Влиятельный помещик, Владимир Николаевич возглавлял симбирское Дворянское собрание с 1898 по 1915 год, был членом Государственного Совета по выборам от Симбирского земства. Невозможно переоценить вклад В.Н. Поливанова в дело изучения прошлого нашего края. Поражают энергия, размах и разносторонность интересов этого человека. Благодаря ему до наших дней дошли исторические раритеты, которые легли в основу фондов областного краеведческого музея, Дворца книги и государственного архива Ульяновской области. По его инициативе город украсился Домом-памятником И.А. Гончарову. Из-под пера Поливанова вышли ценные книги: «Майнское городище в Спасском уезде», «Муранский могильник», «Наставление к ручной выделке черепичных крыш», «Археологическая карта Симбирской губернии», «Материалы к истории Симбирского Дворянства 1781–1909» и другие. Юбилею В.Н. Поливанова посвящается этот рассказ.

Дорога из Акшуата в Симбирск показалась Поливанову как никогда лёгкой. Морозное солнце бодрило и обещало успех делу, ради которого он мчался в губернский город. Близилось Рождество, нужно было успеть заглянуть в мужскую классическую гимназию –перед праздниками карсунского благодетеля ждали там с особым нетерпением. Вот уже 10 лет состоятельный помещик с присущей ему ответственностью выполнял обязанности почётного попечителя гимназии, жертвовал большие средства, выписывал журналы, помогал Братству преподобного Сергия при гимназической церкви. Однако первый визит, как всегда, – к губернатору.

Не дожидаясь доклада, Поливанов входит в залу, где Акинфов осматривает только что привезённую ёлку. При виде именитого гостя губернатор распахивает объятья: «Владимир Николаевич, дорогой, с приездом!». Берёт тёзку под руку и ведёт в кабинет:

– Рюмочку с дороги?

– Никак нет, день, сами знаете, непростой…

– Полноте, Вам ли волноваться! –

Акинфов наклонил голову к уху собеседника. – Нынешнее заседание – формальность и только. С Вашим-то авторитетом! Их Императорское Величество буквально осыпали Вас дождём наград после празднования коронования. Вступите в должность предводителя дворянства, а там, глядишь, через год-два и в действительные статские советники пожалованы будете.

– Это как Богу угодно будет, а успехи – исключительно Ваша заслуга, господин губернатор! Прежде все добрые начинания хоронились заживо, любое моё предложение ничего, кроме ярости, у Вашего предшественника господина Теренина не вызывало.

– То была ревность Михайла Николаевича, – усмехнулся Акинфов.

– Ревность? А как же служение? Не понимаю, никогда не пойму!

– Забудем, друг мой, ушедшие невзгоды и будем служить вместе. Нам предстоит немало поработать, впереди – 250-летие Симбирска. Впервые день рождения города отмечать будем, надобно всё хорошенько продумать. С Богом, Владимир Николаевич! Встретимся в Присутствии.

* * *

В тот декабрьский день уходящего 1897 года губернское Дворянское собрание избрало Поливанова своим Предводителем. 22 мая 1898 года император утвердил его в этой должности. По «Высочайшей милости» Владимир Николаевич был приглашён в июне в Александрию, где на тот момент находилась императорская семья.

Обратная дорога затянулась. Из-за июльского пекла пришлось делать много лишних остановок. Казалось, дорожной тряске и пыли не будет конца. «Не столь давно я лишь мечтал о милостивом внимании государя императора, – рассуждал в полудрёме, разморённый жарой, Поливанов, – а нынче принимаю это как должное. Как долго я к этому шёл...».

И вспомнилась другая дорога – вьюжная, зимняя, бесконечно длинная – в конце 1874 года. В коляску проникал северный ветер, мокрый, колючий снег заметал санный путь. После похорон отца Владимир возвращался в Петербург с намерением подать прошение об отставке. Тогда он впервые всерьёз задумался о своём назначении. Неласковая вьюга была сродни настроению: перед глазами стояла тёмная зала и гроб, в котором торжественно покоилось тело Николая Ивановича. Вояка улан, приятель стихотворца Лермонтова, отец в молодости всласть погулял, пока не попал в ежовые рукавицы матушки, боялся её, как огня, но стоило ему оторваться от дома, и он тут же забывал о супружеских обязанностях.

В течение нескольких недель, проведённых дома, Владимир подробно осмотрел семейную коллекцию художественных ценностей, а потом сел за альбомы с отцовскими акварелями и – ахнул! «Каков талант, и вкус отменный, зря матушка Людмила Александровна называла отца негодяем и бездельником – это она из ревности. Среди мелкотравчатого уездного дворянства он один был в чине статского советника (впрочем, ещё Дмитрий Петрович Ознобишин). А деды-то каковы! Оба отличились в Отечественную войну 1812 года. Есть, кем гордиться единственному наследнику рода».

Так рассуждал Владимир, думая о сохранении родового гнезда. Карьера его складывалась успешно: в 1874 году он был пожалован в придворное звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества. Однако решение посвятить себя земской и общественной деятельности уже созрело... К тому же мать, схоронив супруга, сильно сдала, и, несмотря на властный свой характер, сама предложила единственному наследнику заняться вопросами управления имением. Возможно, ей просто хотелось больше видеться с сыном…

* * *

Оставались считанные месяцы до празднования 250-летия основания Симбирска. Сотни неотложных дел требовали срочного присутствия Предводителя в губернском городе, однако Поливанов сидел в Акшуате.

Перечитав на днях свои «Записки о Муранском могильнике», он начал писать «Путевые заметки по археологии и истории Симбирского Присурья», а также сделал первые наброски «Археологической карты губернии».

Май пришёл с солнцем – торжественным открытием окон «впустили весну» в господский дом. Уже несколько раз звонил колокольчик к обеду, но хозяин, севший за письменный стол ранним утром, продолжал торопливо писать. На сей раз он отменил традиционную утреннюю прогулку по саду, где с полсотни крестьян работали под присмотром садовников.

После обеда Владимир Николаевич направился в библиотеку. Проходя через картинную комнату, остановился у стены с живописью Худякова: взгляд упал на беспечно-весёлый «Карнавал в Риме». «Эх,

нет в живых Василия Григорьевича! – вздохнул с сожалением. – Потомки непременно вспомнят Поливановых уже за одно то, что с нашего дворового Худякова вся Третьяковская коллекция пошла! Благо – дед Иван Петрович подписал ему вольную перед своей кончиной…».

Поливанов пересёк следующий обширный зал с колоннами, увешанный гравюрами и портретами, и оказался в библиотеке, где за рабочим столом дожидался его секретарь, подготовивший выписки из свежего «Вестника искусств». Около часа Владимир Николаевич задержался в библиотеке, ознакомился с новинками, спешно распорядился внести в каталог отмеченные статьи и заторопился в парк.

Из парадного подъезда он спустился к Сызранке, пересёк мостик и с наслаждением вдохнул дивный запах клейких почек: что может быть слаще вкуса майского леса!

Утренние садоводческие работы приостановлены – парк опустел, лишь неутомимое послеобеденное солнце радостно играет в лепестках первоцветов. Кедровая аллея сменяет туевую, далее помещик любуется лапами редких елей, несколько раз пересекает пруды, наконец, сквозь лапник проглядывает свет, и открывается поляна, на которой высится похожий на античный храм белокаменный Акшуатский музей, окружённый со всех сторон колоннадой. Владимир Николаевич гордится, что музей доступен для просмотра всем желающимПоливанов в задумчивости остановился в первом зале: предметы из Муранского могильника навели на неожиданное решение: «А ведь раскопки надо продолжать… И безотлагательно начинать копать в Ундорах, версты на две выше ундоровской пристани, где видны остатки земляных окопов».

Погода располагала к прогулке. Почему бы не навестить оранжереи с апельсиновыми деревьями? Любуясь по пути празднично цветущим садом, подумал: «Будет, чем удивить земляков на садоводческой выставке… Когда-нибудь слава об акшуатском хозяйстве облетит всю страну!»

* * *

Празднование 250-летия Симбирска в 1898 году стало выдающимся событием в жизни города. Это был первый отмеченный «день рождения». Юбилей справлялся с лёгкой руки Мартынова, который обнародовал год основания Симбирска: 1648-й. Архивная комиссия во главе с Поливановым приступила к подготовке празднования. Днями торжеств назвали 3–5 октября 1898 года: ученики вернутся с каникул, а симбиряне – с дач и курортов. Издали красиво оформленную Программу торжественного заседания учёной архивной комиссии, посвящённого 250-летию основания города. Заседание 5 октября 1898 года открыл Поливанов. Он же был удостоен именного золотого жетона в честь 250-летия города.

А вскоре и предсказание Акинфова сбылось: 18 апреля 1899 года Николай II жаловал Поливанова званием камергера Высочайшего Двора, а 6 декабря Владимир Николаевич был «произведён за отличие в Действительные Статские Советники».

* * *

Осенью 1902 года губернатор Акинфов сдал свои полномочия. Симбирское дворянство в его честь устроило в сентябре пышный прощальный банкет, и Поливанов длинно и торжественно перечислил его многочисленные добрые дела. В ответном слове бывший начальник губернии признался, что счастлив был найти в Симбирске столько ревнителей местной старины, и склонил голову перед Предводителем – в глазах Владимира Николаевича проступили слёзы.

Заведующий музеем Александров шепнул сидящему рядом за банкетным столом члену архивной комиссии Мартынову:

– Волнуется Его Высокоблагородие Владимир Николаевич, кто придёт на место друга-тёзки.

– Как же не волноваться, Пётр Александрович? Возможно, новому начальнику губернии и дела не будет до архивов! – Мартынов явно разделял беспокойство Поливанова. –

Недалеко ушли те времена, когда ценнейшие документы продавали с торгов как простую бумагу: хочешь – пиши на обороте, хочешь – селёдку заворачивай! Мало кто понимает, что всё это должно сделаться достоянием науки.

– При таком командире, как Поливанов, нам, дорогой Павел Любимович, бояться нечего. Хотите от него визиточку на память? Соизвольте прочесть на обороте…

Мартынов стал читать, с каждой строчкой улыбка всё более растекалась по его лицу.

Кто возьмёт такую миссию,

Чтоб Сизифа труд нести,

Чтоб Архивную комиссию

Вперёд правильно вести:

В ней прогресса жажда явится,

Ей энергия нужна.

Между тем назад всё пятиться

В глубь веков она должна!

Председатель всеми силами

Её двинуть был бы рад,

Да всё возится с могилами

Или ищет древний клад.

* * *

Ранним утром 26 июня 1904 года Владимир Николаевич вместе с супругой Марией Николаевной выехал в Сызрань. Бойкая тройка орловских рысаков несла его, как по воздуху, на встречу с государем, а попутным ветром были восторженные монархические чувства. Накануне Поливанов известил по телеграфу всех предводителей уездного дворянства о проезде через Симбирскую губернию императора Николая и посему просил их прибыть в Сызрань вместе с супругами накануне предстоящей встречи «на своём поле».

В начале года, получив известие о начале войны с Японией, симбирские дворяне пожертвовали «на нужды военного флота» 40 000 рублей, вследствие чего Поливанов был «назначен членом комиссии по усилению военного флота на добровольные пожертвования». И вот теперь император Николай следовал на восток, к театру военных действий Русско-японской войны, и выразил желание встретиться с представителями симбирского дворянства.

28 июня в 18.30 императорский поезд подошёл к временной платформе. В сопровождении наследника Михаила Александровича и лиц свиты государь вышел из вагона и выслушал рапорт Симбирского губернатора Сергея Дмитриевича Ржевского. Поливанов, поднося хлеб-соль на резном, художественной работы, деревянном блюде, торжественно произнёс: – Ваше Императорское Величество! Верноподданное Ваше Симбирское дворянство в 1891 году здесь радостно встречало Вас как наследника престола... Как всегда, оно безгранично счастливо видеть своего государя и повергнуть к его стопам свои чувства беспредельной любви и преданности. Переживаемые нами тяжёлые испытания на Дальнем Востоке не поколеблют веры в силу и могущество Русской Державы… Верьте, Государь, неизменной нашей готовности всегда и везде стать на защиту достоинства России и её Венценосного Вождя от всякого посягательства внутреннего и внешнего. По русскому обычаю, соизвольте принять наш хлеб-соль».

Николай II был явно доволен речью Предводителя и признался, что рад вторичному посещению Симбирской губернии. Поливанов представил уездных предводителей и некоторых именитых дворян. Монарх успел посетить церковь Св. Апостолов Петра и Павла и встретиться с епископом Симбирским и Сызранским Гурием. Отъезжая, он ещё раз выразил губернскому Предводителю свою благодарность за сердечный прием.

При восторженном настроении народа и раскатах громогласного «ура», царский поезд отбыл по Самаро-Златоустовской железной дороге.

* * *

Весна 1906 года была затяжной и холодной, но в мае уже стало ясно, что будет засуха и неурожай. Пришедшая из Петербурга депеша, где говорилось, что Поливанов пожалован в Гофмейстеры Двора Его Императорского величества, не сняла уныния и тяжёлых предчувствий. Ещё недавно, в связи с аграрными беспорядками в губернии, Владимир Николаевич побывал в столице с жалобой на губернатора. Раздосадованный тем, что князь Яшвиль слишком мягок с бунтарями, он требовал от губернатора применить к ним крайние меры, вплоть до артиллерии, но получил отказ, и тогда, используя свои связи при дворе, Поливанов добился Высочайшей аудиенции. Николай II принял депутацию и обещал содействия.

В июне начались страшные пожары, они наполовину уничтожили города Сызрань и Алатырь, многие селения. Губернский предводитель предложил ходатайствовать перед правительством о выделении продовольственной помощи пострадавшим от неурожаев симбирянам. Для поездки в Петербург Собрание делегировало Поливанова и председателя губернской земской управы Белякова.

Встреча с председателем Совета Министров Столыпиным была назначена на 12 августа 1906 года. Однако произошло невероятное.

В назначенный час ходатаи прибыли на Аптекарский остров близ Петербурга. Как только они вошли в кабинет премьера, раздался оглушительный взрыв. Отброшенные взрывной волной, Поливанов и Беляков потеряли сознание. Первое, что увидел Владимир Николаевич, с трудом разомкнув глаза, – синее лицо Столыпина, лежавшего возле тумбы письменного стола. В этот момент в кабинет вбежал товарищ министра: «Где он, жив?». Ошеломлённый Поливанов не двигался с места. «Слава Богу, живой! – Гурко приподнял голову Петра Александровича. – Это чернила!». Опрокинутая чернильница разбилась о голову премьера, и он отделался лёгким сотрясением.

Взрыв совершили террористы. Все комнаты дачи были разгромлены, погибли 27 человек, сто человек

получили ранения, в том числе сын и дочь Столыпина.

Весь обратный путь Беляков твердил Поливанову: «Это мы своим визитом спасли премьера от гибели!».

Позже, когда покушение повторится и Столыпин будет убит, Николай Фёдорович переиначит свою фразу: «Мы продлили его жизнь на пять лет…».

А в июле 1906 года князь Лев Владимирович Яшвиль, «согласно прошению», был уволен от должности симбирского губернатора.

* * *

Апрель 1915 года. Последняя весна, последняя дорога. Она будет короткой и лёгкой. Но не только потому, что теперь есть железная дорога, от которой Поливанов протянул ветку и недалеко от Акшуата построил станцию и целый посёлок вместе с постоялым двором. Просто для одних людей дороги когда-нибудь кончаются, для других – только начинаются.

Перед отъездом в Петроград Владимир Николаевич долго-долго гулял по парку. Неделю назад он вернулся из Симбирска, где полным ходом шли отделочные работы Дома-памятника И.А. Гончарову: стало быть, мечта о музее почти сбылась.

Снег до конца не растаял, но травка упорно пробивалась везде, где солнце обнажило землю. Тяжело дыша, хозяин едва преодолел высокие ступени парадного входа и присел в плетёное кресло. Встревоженный камердинер позвал Марию Николаевну. Та выбежала в наброшенной на плечи шали:

– Друг мой, Вам не здоровится? Прохладно, пройдёмте в дом.

Супруг безучастно последовал за ней. Таким она его ещё не видела. Где карсунский темперамент, где поливановская энергия и страсть? «Вам плохо?» – «Мне очень хорошо».

Мария Николаевна хотела проводить супруга до станции, но он резко отказал ей в этой просьбе. И вот она смотрит вслед... Когда-то родственники считали, что он ей не пара: она тоньше, душевнее, а он, мол, – тиран и деспот. Ей действительно досталось мало внимания и ласки – неутомимый Поливанов всегда был погружён в тысячу дел одновременно. И вот теперь она с волнением провожает коляску, ей кажется, что стоит ждать чего-то большого. Чего? Любви? Ждать и верить, верить и ждать...

Пути-дороги. Они бесконечны, если есть, куда стремиться. Неустанными поливановскими дорогами и поныне идут ревнители старины – неутомимые ульяновские краеведы.

Ольга Шейпак

*(по материалам **Антона Шабалкина**)*